

От редакции. Авторы рубрики «Малая проза» давно знакомы читателям «Амура». Все представленные произведения объединяют автобиографические и ностальгические мотивы. Открывающий рубрику рассказ Нины Дьяковой интригует читателей историей про «страшную карточку», ярко воссоздаёт характеры персонажей с помощью их выразительной речи. Александр Герасимов повествует о реальных – курьёзных, радостных, трагических – случаях из собственной жизни. О творческом росте молодого автора Ярослава Турова, победителя в номинации «Творческий дебют» премии Л. Завальнюка за 2017 г., свидетельствует рассказ «Старость». Ольга Крутикова, обращаясь к топосам популярной в дамской прозе истории встречи влюблённых, изящно разрушает ожидания читателя с помощью «прививки от ошибок».

Нина ДЬЯКОВА

выпускница БГПИ

ПРО КОТА ЖОРКУ, ТЁТЮ ФЕНЮ И СТРАШНУЮ КАРТОЧКУ...

...Звали её Феня. Тётя Феня Бурлакова. Очень хорошо помню, где в Долдыкане у тёти Фени был дом. На самом краю единственной улицы, если вправо свернуть – речка будет, Долдыканка. А если влево – малость на отшибе – там был тёти Фенин дом, с невысоким забором, а перед забором – палисадник с белой сиренью весной и огромными, как подсолнухи, георгинами осенью. Правда, вполне возможно, что георгины казались мне огромными только потому, что сама-то я была от горшка два вершка... И робела очень, когда мы с мамой пришли к тёте Фене в самый первый раз. Меня почему-то встревожило ещё дома слово «вдова», которое бабушка Поля моя сказала маме в одном рядочке:

– А, моя дочка, да отведи ты малую к Фене Бурлаковой, понянчится, вдова – дитю только рада будет. Мне неможется – и хлеб нынче не пекла, передохну чуть, отлежусь покуда.

И для меня отдельно добавила, что тётя Феня хорошая, что у неё смородное варенье и пряники обливные – вкусны-е-е-е.

Мы с мамой пошли к тёте Фене, прихватили большую банку с молоком – в подарок. А я всё никак не могла понять это слово – вдова. Оно мне сразу не понравилось, потому что несуразное. Ну, вот смотрите – в-д-о-ва. Не во-два, не во-да, не... у меня ничего не получалось с этим словом. Не ладилось никак. Другие были понятны, а это – только голову морочило целых полдороги. А потом я отвлеклась – и про слово это неудобное призабыла. Правда, ненадолго...

Вторую половину дороги на коне ехала – дед Денис нам повстречался, он коней с водопоя вёл, с Долдыканки.

– Унучечка, давай-ка на коника садись. К самому ко двору доставит. Тыхенечко, тыхенечко. О так ота! Тпрру, Титко, погодь-погодь. А теперь – тыхенечко, подай. Но! Поехали, унучечка моя дорогенькая! Титко, не балуй!

Мы совсем скоро добрались до двора тёти Фени. Дедушка подхватил меня, прижал на какое-то время к себе и поставил на тёплую тропинку рядом с мамой.

– От так ота! Коник довёз, идите к Хвене, вон яна у калитки дожидает...

Дедушка взял серого Титка и другого «коника» под уздцы и пошёл домой, а мы – потопали навстречу полненькой тётенке в белом-белом платочке и в синем платье белыми горошинами.

Такие платья в Долдыкане были у многих женщин. По весне в селпо привезли сразу столько этой материи, что хватило всем, и даже ещё осталось. Я видела – на прилавке долго лежал толстенный синий тюк в горошек, от него в глазах становилось щекотно, а как отведёшь глаза – горошины шевелились и разбегались, как живые. Продавщица Клава спрашивала всех подряд:

– Купили ситчик-то?... А! Ну, так ещё купите, пригодится на что-нибудь. А! И на что-нибудь взяли? Да, ну, если так... А соседка тоже купила? Ой, точно, я же ей в долг записала. Ну, ладно...

Клава вздыхала, отсчитывала сдачу и тут же с надеждой и с теми же словами кидалась к другому односельчанину, чтоб «горошек» поскорее сбыть, глаза бы на него не глядели!

Наверно, тёте Клаве тоже было щекотно смотреть на синий ситчик в белый горошек...

– Тётъ Фень, присмотрите за Нюсей, у меня уроки, а баба Поля занедужила – легла и встать не может... А мы вам молочка вот принесли.

Мама моя в Долдыкане тогда учительницей работала. И после уроков полы в классе большой тряпкой, из нового мешка сделанной, мыла.

Наш дом рядом со школой был, поэтому мы с братиком Колей там все углы и укромные места знали — где карты лежат, где глобус, где счётные палочки и картонные карточки с буквами и цифрами... Мы даже с дедушкиной собакой Альфой туда заходили, если мама не видела. Она бы заругалась, потому что собакам в школу входить запрещено. Но Альфа заходила и, чтобы не попало нам всем сразу, ползла на брюхе позади нас с Колей. Сама на четвереньках, а хвост — торчком вверх. Смешная Альфа!.. И мы с братиком, давясь от смеха, на цыпочках улепётывали по коридору к выходу, пока мама что-то пишет на чёрной доске мелом. Кубарем скатывались с крылечка прямо в подол бабе Поле, у которой поверх гороховой юбки всегда был фартук-хусточка — белоснежный, с кружевной оборкой и прошивками по краям. Баба Поля и дед Денис приехали в Долдыкан из Белоруссии, а там все тётеньки и даже маленькие девочки обязательно носили такие передники, кружевные, с прошивкой...

— Тётя Феня, а тётя Феня! У тебя есть хусточка, как баба Поля носит? С прошивкой...

— Нет, Нюся, я ж не так, я другого колеру... У нас на Волге всё больше сарафаны да рубахи с петухами на рукавах. Эх, красивые-и, глазам праздник прям. Да я щас тако не надену, пра! Инда вона синь с горохом — и то рябко.

— А как это — с петухами на рукавах? Петухи — клювучие. Я их боюсь.

— А вот мы их прогоним, хворостинкой-то! И не клюнут никого. Идём, Нюся, чайку с молочком попьем, у меня прянички есть...

— Обливные, да?

— Как есть — обливные!

— И варенье смородное?

— И варенье-е...

— А баба Поля сказала, что ты, тётя Феня — вд... водва, ой, вдовдва... Ой... Путаное слово...

— Бабе Поле язычок прикоротить ба следовало, дитю всяко слово чтоб в душу не закладывала. Вдова я, Нюсенька, что правда — то правда. Слово — что, жизньюшка не больно сладкая. Пойдём, я тебе чево покажу-то!

Мы прошли мимо кур. Петухов миновали без опаски, вот и терраска с перилами. Сквозь перила солнышко потягивается, а на дощатом полу — кот-котище, не белый, не чёрный, не в полоску, а весь цветной. Потягивается тоже: на спину повернётся, хвостом помотает — и на бок снова. Лениво так ворочается.

— Кис-кис-кис! Тётя Феня, а кису погладить можно?

— Это сколь хошь. Смотри только на хвост не наступи, Жорка этого не любит. Погладила? Идём к рукомоинику — ладошки ополосни, кот он и есть кот. Где только его ни носит, а нам ручки чистые нужны. Слышь, Жорка, мы с Нюсей чай будем пить, с пряниками. А тебе — молочка нальём. Вот! Пей давай молочко-то! От Нюсиной мамки гостинчик-то!

— Пей, Жорка, молочко. Утром баба Поля подоила, а сама устала и немного приболела. Я к тебе в гости

пришла, ты понимаешь или нет? Понимаешь, наверно. Молочко пьёшь? Жорка хороший. А мы чай будем пить.

— Идём в дом, Нюся. Жорка никуда не денется. Жарко ему, лениво, попьёт молочка — и спать вприжмурку! Сам спит, а всё видит.

...Помню, как мы с тётей Феней прошли по домашним тряпочным половичкам в избу. Там — прохладно и тихо, только слышно, как на окне снаружи, за марлевой сеточкой, шмель гудит, большой и важный. Над столом — часы домиком, из домика снизу две еловые шишки-гирьки висят. Стол полотенцем накрыт, под полотенцем — чашка с пряниками оказалась, она побольше, и другая — с вареньем — та поменьше. Ложки деревянные рядом возле чашек. На полке тётя Феня стаканы взяла, каждый на блюдце поставила.

— Погоди-ка, я в летню схожу, чайник там на плите — не остыл ещё, нам как раз будет. А ты, Нюся, посиди покуда, на-ко вот открытки поразглядывай. Красивы оне! Гляди, щас я.

Тётя Феня вышла, а когда вернулась — у меня на столе открытки веером, цветы к цветам, человечки к человечкам... Одна только открытка никуда не пришлась. Цветов на ней не было. Она была страшная. Я отодвинула эту открытку на край стола, как будто это был обжигающий руки горячий уголь. И цвета подстать — чёрные да красные в основном. Помню, как в горле у меня скопились, готовые вырваться горьким плачем, страх и паника в таком удушающем комке, что вот-вот — и свалилась бы со стула в бессилии перед этой красно-чёрной картинкой.

— Нюся, Нюсенька! От я дура буреломная! Чё — перепугалась, дитятко? Ну-ну, ничё, ничё... Картинка эта... Вот смотри, уберу её, глянь — убрала уж, вот, под скатёрку её — не видно теперь. И не страшно, правда?

Помню, тётя Феня гладила меня по волосам, прижимала тихонько к себе, что-то говорила, успокаивала...

Потом мы с ней ели пряники и черпали ложками варенье из деревянной чашки, пили чай с молоком. Потом вышли на террасу, где ленивился пушистый Жорка, спал вприжмурку или притворялся спящим. Над селом вовсю пекло весёлое солнце первых сентябрьских дней, когда в скорые заморозки никому не верится.

Потом пришла мама. Тётя Феня о чём-то с нею пошептала, сунула мне в кармашек пряник и сказала, чтобы я приходила к ней в гости, что и Жорка тоже будет очень рад новой подружке...

...Несколько раз мама приводила меня к тёте Фене, мы с нею обзавелись маленькими тайнами, секретничали, переглядывались и говорили «ш-ш-ш», прижимая указательный палец к губам... Мы стали подружками. И дружили бы, наверное, всю жизнь — кому сколько отмерено. Да через год-полтора мои родители решили переехать в другое село, за двадцать километров от Долдыкана, и с тётей Феней я долгое время не виделась...

...Прошло лет тридцать пять, не меньше. У меня уже двое ребятишек подрастало. Дочка постарше, сын — как я, та самая Нюся из моего детства — лет пяти... Что-то вдруг потянуло съездить в Долдыкан, в детство своё вернуться, так захотелось — не удержать ничем!

Брату Николаю – наметки только, старый отцовский мотоцикл заправил, колёса проверил, какие-то каски из летника выудил. Протёр ветошью – одну мне протянул – надевай, поехали в Долдыкан! Мама, было – поперечь, а я спросила, жива ли тётя Феня Бурлакова...

– Жива, жива! Да только видит совсем худо. Ну, смотайтесь, проведите, ох, пряники в хлебном купите, гостинчик. Свежие, обливные...

Двадцать километров промахнули в полчаса, а по Долдыкану стрекотали помедленнее, спросили нужный дом. Девчонки в коротеньких шортиках возле школы дружно махнули в нужном направлении. Пострекотали дальше, я ж дорогу знаю! Вот поворот к речке, а налево – домик малюсенький, малюсенький заборчик, палисадник с разросшейся сиренью, калитка приоткрыта...

Вошли во двор опасно – а вдруг пёс? Нет. Крылечко совсем низенькое, терраса... Дверь дерматином обшита давненько. Пovyтерлась...

Постучали. Подождали. Ещё постучали. Ещё подождали. Из домика на террасу вышла сухонькая бабулечка с палочкой. В беленькой косынке. Седая и морщинистая. Но – тётя Феня ведь! Из моего детства славная моя подружка тётя Феня!

– Э... А ты кто будешь? Чьих сама-то? Не припомню что-то... Да и не вижу совсем уж...

– Нюся я! Нюся, тётя Феня! Мы с тобой чай с пряниками любили пить. Со смородиновым вареньем вприкуску! Мы тебе пряников привезли. Как ты любишь – обливных, мягких!

– Нюся? Эт каковских ты Нюся? Уж не бабы ли Полины унуча? Дак эт ты така сделалася – прямо важная птица. Была, слышь, воробушек, от картинки едва не сомлела. Помнишь?

– Помню, тётя Феня. Я потом эту открытку видела в учебнике истории. И в музее – большой плакат. А тогда испугалась. Не сохранилась она у тебя, открытка эта? А, тётя Фень?

– Берегу. А то как жа? Ты вот слово *вдова* выговорить тогда не умела, путалась. А я живу вдова-вдовой. И картиночка эта, что страх на тебя навела, всё, чё от Евсея мово памятное осталось. «Родина-мать зовёт!» Их тогда, карточек этих, много с фронтов присылали, и наши, долдыканские, тожа. Пойдём в избу. Поглядишь. Прочитаешь. И ты, Колюня... Тебя же Николаем звать? Боле нету сестриц-братьёв у тебя, Нюся? Иль есть?

– Есть ещё Андрюша, он меньший. Теперь далеко...

Это было моё последнее свидание с детством.

Октябрь 2018 г.